

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Смоленский государственный университет

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки Смоленского государственного университета

Выпуск 19

Смоленск

2019

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

*Печатается по решению редакционно-издательского
совета Смоленского государственного университета*

Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 19 / отв. ред. М.Л. Рогацкина, А.В. Радионова – Смоленск: Изд-во СмолГУ. 2019. – 462 с.

ISBN 978-5-906598-35-6

В сборнике представлены ставшие уже традиционными разделы, посвященные исследованиям: русской литературы – поэзии и прозы XIX – XXI веков; истории зарубежной литературы; русско-зарубежных литературных связей; истории журналистики; теории текста; теории стиха; литературы Смоленской земли; а также архив.

Издание включено в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтиспise «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).

Научное издание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки Смоленского государственного университета

Выпуск 19

Подписано в печать 18.12.2019.

Формат 60х90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 28,88. Тираж 500 экз. Заказ № 536.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Times».

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)

ISBN 978-5-906598-35-6

© Авторы, 2019

© Смоленский государственный университет, 2019

Gasparov M.L. Zapisi i vypiski. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. 416 s.

Gasparov Mihail Leonovich, 1935–2005 / sost. G.G. Gracheva, Ju.B. Orlickij, A.B. Ustinov; avt.vstup. st. S.I. Kormilov, N.V. Braginskaja. M.: Nauka. 2012. 239 s.

Kormilov S.I. Kniga o sovremennom stihe // Vestn. MGU. Ser. 9. Filologija. 1975. № 5. S. 79–82.

Kormilov S.I. Nauchnoe i literaturnoe nasledie Mihaila Leonovicha Gasparova // Gasparov Mihail Leonovich, 1935–2005 / sost. G.G. Gracheva, Ju.B. Orlickij, A.B. Ustinov; avt. vstup. st. S.I. Kormilov, N.V. Braginskaja. M.: Nauka. 2012. С. 6–47.

Lotman M.Ju. Neotpravlennoe pis'mo // M.L. Gasparov. O nem. Dlja nego / sost. predisl. M. Akimovoj, M. Tarlinskoj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. S. 133–284.

M.Ju. Lotman i tartusko-moskovskaja semioticheskaja shkola. M.: Gnozis 1994. S. 299–303.

Tarlinskaja M. Misha Gasparov v moej zhizni // M.L. Gasparov. O nem. Dlja nego / sost.predisl. M. Akimovoj, M. Tarlinskoj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. S. 395–410.

Turskij G. Istorija frankov: per. s lat. / izd. podgot. V.D. Savukova. M.: Nauka. 1987. 461 с. (Literaturnye pamjatniki).

Vash M. Gasparov...: iz pisem k N. Braginskoj (1972–2002) // Otech. zap. 2006. T. 28. № 1. S. 275–324.

Vash M.G. Iz pisem Mihaila Leonovicha Gasparova / sost. E. Shumilov. M.: Novoe izd-vo. 2008. 452 s.

Э.Л. Котова

Смоленский государственный университет

Смоленск

УДК 821.161.1.09

**«ЖИЗНЬ ИДЕТ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ»:
ДРУЖЕСКИЕ И ТВОРЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В.С. БАЕВСКОГО И А.В. МАКЕДОНОВА**

Ключевые слова: *Баевский, Македонов, юбилей, история литературы, «смоленская» поэтическая школа.*

В статье речь идет о дружеских и творческих отношениях В.С. Баевского и А.В. Македонова, продлившихся в течение двадцати лет. Рассказ начинается с истории их знакомства на научной конференции в 1974 году и заканчивается подробностями о посмертных публикациях работ Македонова, увидевших свет благодаря Баевскому.

Их объединяло прежде всего твердость нравственных позиций, готовность открыто отстаивать свою точку зрения, помогать талантливым молодым авторам найти свое место в литературе и

исторический оптимизм, вера в необратимость демократических перемен в стране.

Баевский и Македонов принадлежали к разным научным школам, что порой становилось причиной их литературных споров. Но несмотря на разницу в исследовательских подходах, у них были общие научные проекты. Оба занимались изучением смоленской литературы XX века, в частности творчества А.С. Твардовского, интересовались явлением диссимметрии в художественном тексте. Предложенная Македоновым гипотеза существования в 1920–1930-е годы «смоленской» поэтической школы стала теорией в результате статистических подсчетов Баевского.

О взаимоотношениях двух больших ученых сегодня можно судить по письмам Македонова к Баевскому, которые отчасти опубликованы и прокомментированы адресатом, а также воспоминаниям Баевского.

2019 год оказался юбилейным для нескольких выдающихся деятелей отечественной науки и литературы, так или иначе связанных со Смоленской землей. В мае мы отметили 110-ю годовщину со дня рождения Адриана Владимировича Македонова, литературного критика, историка литературы, который начинал свой творческий путь в Смоленске в конце 1920-х годов; а в сентябре – 90-летие со дня рождения профессора Вадима Соломоновича Баевского, много лет возглавлявшего кафедру литературы Смоленского государственного университета. Несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, между ними возник не только творческий диалог, но и теплые дружеские отношения.

Баевский и Македонов познакомились в 1974 году на научной конференции в Смоленске, посвященной проблемам изучения творчества М. Исаковского, А. Твардовского и Н. Рыленкова. Баевский выступил с докладом, подготовленным на основе материалов своей докторской диссертации о стихе русской советской лирики периода оттепели 1956–1965 годов. В своем исследовании он использовал методы математической статистики и корреляционного анализа, которые в те годы в литературоведении практически не применялись. Стихотворения двадцати поэтов он сравнил по 29-ти индексам, которые характеризовали и стихотворную речь (особенности метрики, ритмики, строфической и рифменной организации, стихотворного синтаксиса), и тематику, и систему образов, включая образ времени и пространства каждого произведения. Одним из наблюдений стала очевидная близость количественных значений индексов, представлявших тексты Твардовского, Исаковского, Рыленкова, Яшина. Обнаружив эту закономерность, Баевский вспомнил, что именно эти авторы входили в «смоленскую» поэтическую школу.

Гипотеза существования в конце 1920-х – начале 1930-х годов в литературе соцреализма особой поэтической школы была предложена Македоновым в 1960 году в книге «Очерки советской поэзии» [Македонов, 1960]. Тогда, как, впрочем, и сегодня, она вызвала неоднозначные оценки. Некоторые критики увидели в ней призыв к «растаскиванию поэзии по наделам» [Огнев; 1961, 3], угрозу целостности советской литературы.

Познакомившись тогда с книгой очерков Македонова, Баевский принял к сведению гипотезу, но особого значения ей не придал. И только спустя годы, работая над диссертацией, «я понял, как прав был Македонов в своих наблюдениях и выводах о смоленской поэтической школе: если эти поэты близки между собой в конце своего творческого пути, когда они во многом все-таки разошлись, то тем более они образовали единство в начале, когда вступали на литературное поприще в постоянном личном и творческом общении, ориентируясь на одну и ту же поэтическую традицию» [Баевский, 2007]. Статистические подсчеты Баевского, исключающие субъективный подход исследователя, подтвердили идею Македонова. Так гипотеза стала теорией. Вадим Соломонович (*далее В.С.*), как и Адриан Владимирович (*далее А.В.*), до конца жизни продолжал ее отстаивать. Итоги многолетних размышлений Баевский выразил в одной из своих последних книг – «Смоленская поэтическая школа в портретах» (2006).

Но вернемся к 1974 году. Македонов жил и работал в Ленинграде и об исследованиях смоленского ученого ничего не слышал. О докладе Баевского, прочитанном на секции стиховедов, он узнал из обсуждений в кулуарах, после чего и произошло их знакомство.

Так началась дружба, длившаяся двадцать лет, до смерти А.В. в 1994 году.

Ученые дружили семьями. Баевский любовно называл А.В. и его жену Раису Абрамовну – Филемоном и Бавкидой, Петром и Февронией, Афанасием Ивановичем и Пульхерией Ивановной, настолько близкой по духу была эта супружеская пара. Встречались Баевский и Македонов не так часто, в основном на научных форумах или в Ленинграде, где В.С. и Эда Моисеевна³ бывали по работе и личным делам. Во время встреч они говорили о развитии отечественной литературы, о современных поэтах, в том числе и смоленских (Раисе Ипатовой, Владимире Тазове, Зеане Кагане и др.). Благодаря протекции В.С.

³ Эда Моисеевна Береговская (1929–2011) – жена В.С. Баевского, российский романист, специалист в области французской стилистики и методики преподавания французского языка.

некоторым из них Македонов давал рекомендации в Союз писателей, давал рецензии на поэтические сборники молодых авторов.

В своем дневнике В.С. оставил немало свидетельств о разговорах с А.В. Именно дневниковые записи и письма Македонова к нему⁴ легли в основу мемуарной прозы и некоторых научных исследований Баевского. Письма Македонова – это послания на 8-10 листах, написанные «трагическим почерком» (лишь некоторые напечатаны на машинке). Постепенно Баевский научился их читать, делая тщательные карандашные надписи над «зашифрованными» письмами друга.

Отрывки из многих писем вошли в первый биографический очерк о Македонове, опубликованный Баевским вскоре после смерти товарища. Очерк называется «Смоленский Сократ». Так Македонова и в шутку, и всерьез в молодости называл Твардовский, другом и литературным наставником которого тот был. Баевский считал такое определение более чем удачным: «Невысокий, курносый, некрасивый, диспластичный, с большим лбом и выразительными чертами лица, А.В. действительно напоминал дошедшие до нас описания внешности и изображения древнегреческого философа. Но емкое прозвище вбирает в себя и многое другое: проницательный ум, пристрастие к спорам на отвлеченные темы, философские интересы, сопровождавшие А.В. на протяжении всей жизни, органически присущие его сознанию диалогизм, ориентированность на другого, на собеседника или объект мысли» [Баевский, 1996, 181].

У Македонова была страшная и в тоже время поучительная судьба. В 1937-м году он был осужден как «враг народа». Одним из ключевых обвинений была защита «кулацких стихов» Твардовского, литературным советчиком которого был А.В. в молодые годы. В лагере он увлекся геологией и позже стал доктором геолого-минералогических наук, сделал уникальные открытия в области литологии. А в конце 1950-х годов (спустя двадцать лет после вынужденного перерыва) смог вернуться к литературному труду, опубликовал две сотни статей, пять монографий, в том числе о Николае Заболоцком и Александре Твардовском. Пройдя через ГУЛАГ, Македонов сохранил и присутствие духа, и твердость нравственных принципов, готовность открыто их отстаивать. Он называл себя «отчаянным оптимистом» и искренне верил в необратимость демократических перемен в нашей стране. Мужество и жизненная стойкость А.В. необыкновенно импонировали В.С., поскольку он и сам был человеком принципиальным, обладал волевым характером, никогда не изменял себе даже в чрезвычайно трудных обстоятельствах. И всегда любил повторять: «Жизнь идет в правильном направлении».

⁴ В личном архиве В.С. Баевского сохранилось 136 писем А.В. Македонова к нему. Все они были переданы в дар Э.Л. Котовой.

В разговорах и письмах друзья обсуждали вопросы личной жизни, судьбы страны, религиозно-философские проблемы, но значительное место в них занимала наука и поэзия, пути ее развития. Они обменивались впечатлениями о прочитанном, своими наблюдениями над художественными текстами, научными сомнениями и выводами. Диапазон авторов, которые их обоих интересовали был велик: от Твардовского, поэтов военного поколения (К. Симонов, Ю. Друнина, Д. Самойлов, О. Берггольц и др.) до В. Высоцкого и представителей нового авангарда (А. Вознесенского, Е. Евтушенко и др.). Непременно писали отклики и на работы друг друга.

Главной темой критических и научных исследований Македонова был Твардовский. Исподволь он пытался и Баевского приохотить к изучению его творческой судьбы. Македонов сожалел, по словам В.С., что «что я, восхищаясь Твардовским и любя его, не занимаюсь им сколько-нибудь регулярно, как Пушкиным, Пастернаком, Леонидом Семеновым, Самойловым, и даже упрекал меня в том, что я стою в стороне. Я оправдывался тем, что великое множество исследователей посвятило Твардовскому великое множество книг и статей; а он уверял меня, что тут непочатый край работы. Иногда мне казалось, что он не без лукавства вовлекает меня в свои размышления и труды о Твардовском, надеясь, что и я основательно займусь им. И только теперь, после смерти моего друга, я осознал его правоту и стал систематически обращаться к этой животрепещущей теме, так что в течение последнего десятилетия она стала для меня одной из основных» [Баевский, 2001].

Возникает вопрос, могли ли у Баевского и Македонова быть совместные исследовательские проекты, если и предмет, и материал изучения у них нередко был один и тот же? Люди, близкие по духу, они принадлежали к разным научным школам. Их эстетические взгляды серьезно отличались, что нередко приводило к литературным спорам.

Баевский был последователем формальной школы, структурализма. А Македонов до конца жизни оставался гегельянцем с «марксистской закваской». Из воспоминаний В.С.: «К сожалению, мимо А.В. прошли идеи формальной школы, эстетики экзистенциализма, новой критики, структурализма, лингвистической поэтики, статистического и лингвистического стиховедения, постструктурализма, – весь XX в. Именно поэтому при всех неоспоримых достоинствах его работ по истории литературы они все-таки не принадлежат к высшим достижениям в этой области. Я не мог понять раньше и не понимаю теперь, как он при его живом и гибком уме мог считать, что развитие эстетической мысли остановилось в начале XIX в., что последние два столетия, во всех отношениях преобразившие мир, ничего не дали в области философии литературы. Куда девалось гегелевское представление о вечном развитии? Того Гегеля, который

был для него альфой и омегой философии?» [Баевский, 2007]. Рискнем предположить, что В.С. здесь выразился чересчур категорично. Пользу семиотического анализа Македонов не отрицал и считал семиотику самостоятельной наукой. Он не был и абсолютно против структурализма. В ряде статей А.В. действительно полемизировал с Ю.М. Лотманом по поводу методов анализа, тем не менее искренне считал его «благородной творческой личностью», «подлинным человеком науки», «сделавшим много интересных наблюдений, несмотря на или вопреки только мешающим этим разборам структуралистским схемам. <Мое> отрицательное отношение к этим схемам отнюдь не предполагает отрицательное отношение к детальному структурному анализу, как таковому» [Котова, 2017, 262, 258]. В одном из писем к Баевскому Македонов признается, что занят «поиском в структурализме и семиотике того, что в них действительно ценно, то есть – детального анализа литературных произведений, как функциональных систем, несмотря на ограниченность философской основы, мешающей проникнуть в глубину системы» [Там же, 262]. Он даже готов был назвать себя «самым детальным “структуралистом”» и подчеркивал, что структуралисты ему безмерно ближе, чем «болтологические, вульгарно-социологические или вульгарно-народнические и националистические интерпретации, распространяемые в качестве якобы литературоведения» [Македонов, письмо 1985 г., л. 1].

Нельзя сказать, что в вопросах методики литературного анализа Баевский и Македонов не могли найти общего языка. Из их переписки видно, что Баевский разделял мнение Македонова о том, что современные исследователи часто преувеличивают роль контекста в ущерб анализу самого текста. Поиск скрытых литературных связей, конечно, помогает ученому продемонстрировать свою эрудицию, богатство ассоциаций, сопоставлений (от шумерских текстов до Пушкина и Мандельштама), но часто они «недооценивают тот простой факт, что в самой действительности имеются повторяющиеся и изменяющиеся мотивы, которые отражались в творчестве разных поэтов независимо от того, каких они имели предшественников и какие наблюдались переклички» [Баевский, 2007].

Македонов не был закрыт для новых научных методов. Поскольку Баевский полагал, что «в науке о литературе нет такой серьезной исторической или теоретической проблемы, которую нельзя было бы решить (с той или иной степенью полноты и глубины) средствами математики – статистики и логики» [Там же], он стремился помочь другу освоить количественные методы изучения поэтического стиля.

Из писем Македонова к В.С. видно, что они вместе начали изучать в художественном тексте явление диссимметрии, которое помимо прочего интересовало Македонова и как геолога [Котова, 2017, 265]. «Ваш рабочий запал, – признавался А.В., – меня очень радует. Еще боль-

ше радуется, что и процесс самой “черной” вычислительной работы является для вас не только необходимостью, но и удовольствием. И что микрокалькулятор даже сделался Вашим маленьким механическим другом. Поэтому меня не будет угрызать совесть от сознания от того, что Вы добровольно берете на себя бремя всех расчетов для нашей общей работы о диссимметрии. Те элементарные подсчеты, которые я делал без микрокалькулятора для книги о лирике, не доставляли мне удовольствия; хотя иной раз было приятно чувствовать, как в самом процессе подсчета выявляется нечто не только подтверждающее, но и непредвиденное» [Македонов, письмо 1983 г., л. 1]. К сожалению, из-за смерти Македонова исследование осталось незавершенным.

Баевский ценил проницательность Македонова. Его монографию «Творческий путь Твардовского: Дома и дороги» (М., 1981) и четверть века спустя он считал лучшей книгой о поэте. «Свершения и кануны» (Л., 1985) называл единственной книгой о поэтике русской лирики советского времени, которая в течение десятилетий сохраняла свое научное значение. Даже отдельные критические замечания А.В. относительно выводов Лотмана, которого В.С. весьма уважал, Баевский иногда признавал справедливыми⁵.

Друзья делились друг с другом творческими планами. Македонова часто писал о трудностях публикации своих критических и историко-литературных работ и на всякий случай присылал рукописи некоторых из них Баевскому. В результате в личном архиве В.С. сохранилось несколько неопубликованных статей А.В.

⁵ В 1987 г. в Тарту состоялась Пушкинские чтения, к открытию которых были изданы тезисы. Баевский подарил один экземпляр Македонову. И тот живо откликнулся: «Открывающую сборник статью-тезисы Лотмана о так называемой 10 главе <«Евгения Онегина»> читал также с большим интересом, но основная гипотеза, что на деле это текст, написанный от лица героя романа, представляется очень сомнительной. Не только общая концепция, но и все интонации отвечают именно основным принципам Пушкинской позиции и поэтике этого времени и завершают естественное движение романа. Единственный серьезный аргумент в пользу гипотезы Лотмана – это упоминание в сохранившихся отрывках самого Пушкина в третьем лице. Но ему можно дать и другое объяснение». «К своей гипотезе об Онегине как авторе заметок, – вспоминает В.С., – составивших т. н. десятую главу Лотман больше не возвращался, и в сборник статей этой конференции, вышедший в 1990 г. (Пушкинские чтения. Таллин), дал не расширенную аргументацию высказанной в тезисах гипотезы, а статью совсем на другую тему. Эту мысль не поддержал и никто из исследователей Пушкина за годы, прошедшие со времени появления тезисов. По-видимому, соблазнительная догадка Ю.М. Лотмана не имеет точки опоры, и А.В. сразу это почувствовал» (Баевский В.С. Смоленский Сократ // Баевский В.С. Роман одной жизни. URL: <https://smol-history.ru/uploads/materials/files/324.pdf> (Дата обращения: 22.07.2019).

Одна из них была посвящена выборочно опубликованным в 1989 году в журнале «Знамя» рабочим тетрадям Твардовского – «главной книге» поэта [Твардовская, 2010]. Этот уникальный материал позволил Македонову вновь заговорить о трудностях и непростых поворотах в судьбе Твардовского, о его взаимоотношении с властью, о переоценке самого себя, общества, руководства страны. Статья Македонова, ставшая первым исследованием дневниковой прозы поэта и первой посмертной публикацией автора, увидела свет благодаря Баевскому в первом томе ученых записок «Русская филология» [Македонов, 1994].

В начале 1980-х годов Македонов задумал вторую книгу о Твардовском, посвященную смоленскому периоду творчества поэта, его талантливой семье, которая «достойна внимания не только истории литературы, но и истории Карамзина, <...> ибо в этой судьбе сконцентрировались большие судьбы народные» [Баевский, 2007]. Около десяти лет рукопись книги пролежала в столе. В начале 1990-х, после отмены цензуры, Македонов решился ее издать. Но не успел. Незадолго до смерти он прислал Баевскому черновые материалы к книге объемов в 400 страниц с просьбой довести дело до конца. Но оказалось, что беловая рукопись была утилизирована издательством при слиянии с другой компанией. Это не остановило Баевского. Несмотря на огромную занятость (В.С. до конца жизни занимался преподавательской и научной работой), он взялся за реконструкцию текста. Продираясь сквозь несколько слоев авторской правки, Баевский заново воссоздал облик книги. Предсмертная просьба друга была исполнена, и в 1996 году в Смоленске вышли «Эпохи Твардовского» – шестая монография Македонова.

Баевский пережил Македонова почти на двадцать лет. Он много сделал для сохранения памяти о своем старшем товарище: опубликовал несколько «задержанных» работ А.В.; оставил воспоминания о нем; первым приступил к научному изучению творческой биографии исследователя и привил своим ученикам интерес к этой теме. Перед нами редкий пример настоящей дружбы и сотворчества двух больших ученых.

ЛИТЕРАТУРА

Баевский В.С. Смоленский Сократ // Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова. Смоленск: Траст-Имаком, 1996.

Котова Э.Л. Парадоксы судьбы: литературно-критическая деятельность А.В. Македонова. Смоленск: СмолГУ, 2017.

Македонов А.В. О «смоленской» поэтической школе, о ее месте в развитии советской поэзии и о трех юбилеях // Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск, 1960. С. 3–33.

Македонов А.В. Письмо к В.С. Баевскому от 27.VII.1983. // Баевский В.С. Личный архив.

Македонов А.В. Письмо к В.С. Баевскому <1985 года> // Баевский В.С. Личный архив.

Македонов А. Трагические рабочие тетради Твардовского // Русская филология. Ученые записки Смоленского гуманитарного университета. Т. 1. Смоленск: Траст-Имаком, 1994. С. 348–365.

Огнев В. О единстве анализа // Литература и жизнь. 1961. 5 февраля. С. 1, 3.

Твардовская В.А. Его главной книгой были дневники // Известия. 2010. 18 июня.

Баевский В.С. Кулацкий подголосок и враг народа: двойной портрет // Вопросы литературы. 2001. № 5. URL: <https://smol-history.ru/uploads/materials/files/339.pdf> (Дата обращения: 27.07.2019).

Баевский В.С. Смоленский Сократ // Баевский В.С. Роман одной жизни. СПб.: Нестор-История, 2007. URL: <https://smol-history.ru/uploads/materials/files/324.pdf> (Дата обращения: 22.07.2019).

E.L. Kotova

Smolensk State University

Smolensk, Russia

**«LIFE GOES IN THE RIGHT DIRECTION»:
FRIENDLY AND CREATIVE RELATIONS V.S. BAEVSKY AND
A.V. MAKEDONOV**

Key words: Baevsky, Makedonov, anniversary, history of literature, “Smolensk” poetry school.

The article deals with the friendly and creative relations of V.S. Baevsky and A.V. Makedonov, lasting for twenty years. The story begins with the history of their acquaintance at a scientific conference in 1974 and ends with details about the posthumous publications of Makedonov's works, which saw the light thanks to Baevsky.

They were united primarily by the firmness of their moral positions, their readiness to defend their point of view openly, to help talented young authors to find their place in literature and historical optimism, and their belief in the irreversibility of democratic changes in the country.

Baevsky and Makedonov belonged to different scientific schools, which sometimes became the cause of their literary disputes. But despite the difference in research approaches, they had common research projects. Both were engaged in the study of Smolensk literature of the twentieth century, in particular, the work of A.S. Twardowski, were interested in the phenomenon of dis-symmetry in a literary text. The hypothesis proposed by Makedonov that the “Smolensk” poetry school existed in the 1920s and 1930s became a theory as a result of Baevsky's statistical calculations.

The relationship between the two great scientists today can be judged by the letters of Makedonov to Baevsky, which are partly published and commented on by the addressee, as well as Baevsky's memoirs.

REFERENCES

Baevskij V.S. Smolenskij Sokrat // Makedonov A.V. Jepohi Tvardovskogo. Baevskij V.S. Smolenskij Sokrat. Il'kevich N.N. «Delo» Makedonova. Smolensk: Trast-Imakom, 1996.

Kotova Je.L. Paradoksy sud'by: literaturno-kriticheskaja dejatel'nost' A.V. Makedonova. Smolensk: SmolGU, 2017.

Makedonov A.V. O «smolenskoj» pojeticheskoy shkole, o ee meste v razvitii sovetskoj poezii i o treh jubilejah // Makedonov A.V. Oчерки советской поэзии. Smolensk, 1960. S. 3–33.

Makedonov A.V. Pis'mo k V.S. Baevskomu ot 27.VII.1983. // Baevskij V.S. Lichnyj arhiv. L. 1.

Makedonov A.V. Pis'mo k V.S. Baevskomu <1985 goda> // Baevskij V.S. Lichnyj arhiv. L. 1.

Makedonov A. Tragicheskie rabochie tetradi Tvardovskogo // Russkaja filologija. Uchjonye zapiski Smolenskogo gumanitarnogo universiteta. T. 1. Smolensk: Trast-Imakom, 1994. S. 348-365.

Ognev V. O edinstve analiza // Literatura i zhizn'. 1961. 5 fevralja. S. 1, 3. Tvardovskaja V.A. Ego glavnoj knigoj byli dnevniki // Izvestija. 2010. 18 ijunja.

Baevskij V.S. Kulackij podgolosok i vrag naroda: dvojnoj portret. URL: <https://smol-history.ru/uploads/materials/files/339.pdf> (Data obrashhenija: 27.07.2019).

Baevskij V.S. Smolenskij Sokrat // Baevskij V.S. Roman odnoj zhizni. URL: <https://smol-history.ru/uploads/materials/files/324.pdf> (Data obrashhenija: 22.07.2019).

И.А. Королева

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия
УДК 811.161.1'27*

ЛИЧНОСТЬ В.С. БАЕВСКОГО В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ А.В. МАКЕДОНОВА

Ключевые слова: *эпистолярный дискурс; информативность; личность В.С. Баевского; А.В. Македонов; межличностные отношения; оценка.*

В статье на материале эпистолярных текстов известного советского критика и литературоведа Адриана Владимировича Македонова (1909–1994) воссоздается личность известного историка русской литературы, особенно поэзии, ведущего специалиста 2-й половины XX – первого десятилетия XXI вв. в области стихосложения, основоположника смоленской филологической школы Вадима Соломоновича Баевского (1929–2014). В научный оборот вводятся фрагменты писем Македо-